

Р. Эрнест

**Собрание сочинений Эрнеста
Ренана**

Том 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Р11

Р11 **Р. Эрнест**
Собрание сочинений Эрнеста Ренана: Том 1 / Р. Эрнест – М.: Книга по Требо-
ванию, 2016. – 202 с.

ISBN 978-5-458-09009-4

С портретом автора и очерком его жизни и деятельности. Перевод с фран-
цузского под редакцией В. Н. Михайлова. В двенадцати томах.

ISBN 978-5-458-09009-4

© Издание на русском языке, оформление
«УОУО Media», 2016

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2016

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ЭРНЕСТЪ РЕНАНЪ.

Жозефъ-Эрнестъ Ренанъ родился въ 1828 г. 27-го февраля въ Трегье, глухомъ мѣстѣчкѣ Бретани, населеніе котораго, несмотря на тысячелѣтнее вліяніе христіанства, сохранило языческій культъ въ формѣ народныхъ преданій, легендъ и суевѣрія. Обстановка, окружавшая дѣтство Ренана, отличалась необыкновенной фантастичностью. Окрестности мѣстечка носили религіозный и идеальный характеръ. Всюду были разбѣяны часовни въ честь мѣстныхъ святыхъ, не признаваемыхъ церковью, но особенно чтимыхъ въ народѣ; о каждомъ изъ нихъ слагались цѣлыя легенды, которыя съ наивной вѣрой передавались изъ устъ въ уста, отъ одного поколѣнія къ другому. Легенды эти производили сильное впечатлѣніе на дѣтское воображеніе Ренана. Часовни, построенныя среди дикихъ скалъ и земляныхъ валовъ, привлекали его возбужденное дѣтское любопытство; онъ со страхомъ разсматривалъ сквозь полуотворенную дверь внутренность часовни и вдругъ обращался въ бѣгство, точно преслѣдуемый какими то невѣдомыми духами.—Предки Ренана со стороны отца въ теченіе многихъ вѣковъ жили въ ущелинѣ Ледано. Они вели скромное существованіе, занимаясь земледѣліемъ и рыболовствомъ, и въ этой скромной обстановкѣ приобрѣли запасъ идей, доставшіяся въ наслѣдство Эрнесту Ренану. „Я чувствую, говоритъ онъ, что я думаю за нихъ и что они живутъ во мнѣ“.—Отецъ его былъ отважнымъ морякомъ; онъ участвовалъ въ походѣ противъ англичанъ и былъ взятъ въ плѣнъ, послѣ чего нѣсколько лѣтъ долженъ былъ провести на повтонахъ; какъ морякъ, онъ былъ мало привязанъ къ семьѣ. На Эрнеста Ренана онъ не оказалъ почти никакого вліянія, отчасти потому, что ко времени рожденія Эрнеста характеръ его сдѣлался замкнутымъ, отчасти же потому, что умеръ, когда Ренанъ былъ еще ребенкомъ. Мать Ренана, гасконка по происхожденію, бретонка по воспитанію, воплотила въ себѣ жизнерадостность своего племени съ религіознымъ влеченіемъ бретонцевъ; она оказала громадное вліяніе на сына, съ которымъ находилась въ постоянномъ духовномъ общеніи до конца дней своихъ. Ея замѣчательное умѣнье рассказывать народныя легенды развило въ Ренанѣ способность такъ глубоко проникать въ прошлыя эпохи. „... эта странная среда“, говоритъ Ренанъ, „дала мнѣ тѣ

свойства, необходимые для исторических трудовъ, которыя у меня есть. Я усвоилъ своего рода привычку видѣть подъ землей и различать шумъ, не замѣтный для ушей другихъ людей. Вѣдь сущность критики въ томъ, чтобы понимать состоянія, во многомъ отличающіяся отъ нашего“. Этимъ свойствомъ, въ которомъ нельзя отказать Ренану, онъ обязанъ отчасти странной обстановкѣ, окружавшей его дѣтство, но главнымъ образомъ—матери, научившей его вглядываться въ даль прошлаго.

Вначалѣ Ренанъ учился дома; потомъ его отдали въ маленькую духовную семинарію при монастырѣ въ Трегье, гдѣ воспитывались тогда всѣ молодые бретонцы. Въ ту пору все образованіе въ Бретани находилось въ рукахъ духовенства, отличавшагося крайней скудостью умственного развитія и крайнимъ невѣжествомъ. О наукѣ въ семинаріи не могло быть и рѣчи. Естественныя науки просто не признавались, а французская литература преподавалась только до „Религіи“, поэмы Расина. „Имя Ламартина произносилось только въ насмѣшку; существованіе Виктора Гюго было совсѣмъ неизвѣстно“. Все новое въ литературѣ изгонялось безпощадно, и вообще духовные воспитатели старались скрыть отъ своихъ воспитанниковъ все, что касалось свѣтскаго, грѣховнаго міра со всѣми его тревоженіями. „Писаніе французскихъ стиховъ считалось самымъ опаснымъ упражненіемъ, которое могло повлечь за собой исключеніе“. Понятно, что при такихъ условіяхъ умственное убожество воспитателей передавалось воспитанникамъ, и умъ ихъ оставался дѣтски неразвитымъ съ предрасположеніемъ къ слѣпой, рабской вѣрѣ. Не смотря однако на эти отрицательныя черты, духовные отцы много способствовали нравственному развитію юношей своей чистой безупречной жизнью, искреннимъ и сердечнымъ отношеніемъ къ нимъ и, хотя слѣпой, но возвышенной и безкорыстной вѣрой. Эти качества располагали къ нимъ учениковъ настолько, что, много лѣтъ спустя, разочарованный и скептически настроенный Ренанъ съ любовью вспоминаетъ о своихъ первыхъ воспитателяхъ и придаетъ большое благотворное значеніе тому благотворному вліянію, которое онъ вынесъ изъ семинаріи: „Мои учителя убѣдили меня въ двухъ абсолютныхъ истинахъ: во-первыхъ, всякій уважающій себя человекъ можетъ служить только идеальному дѣлу, а все остальное—второстепенно, ничтожно, почти постыдно, *ignominia seculi* во-вторыхъ, христіанство—это резюме всего идеального...“ И дѣйствительно, Ренанъ вынесъ изъ этой школы стремленіе къ идеалу, которое не покидало его всю его жизнь, руководило всѣми его дѣйствіями. Первой формой, въ которую вылились его идеальныя стремленія, была внутренняя клерикальнымъ воспитаніемъ мысль посвятить себя служенію Богу и церкви.

Въ 1838 году Ренанъ окончилъ семинарію въ Трегье и „получивши всѣ награды въ своемъ классѣ“, за успѣхи и прилежаніе его отправили для дальнѣйшаго образованія въ Парижъ, въ семинарію Св. Николая. Съ грустью и тоской покидалъ Ренанъ родныя мѣста. Въ Парижѣ онъ увидѣлъ столько новаго и неожиданнаго, какъ будто былъ грубо заброшенъ изъ родной Франціи въ Тавити или Тимбукту.

Семинаріей Св. Николая (Seminaire Saint-Nikolas du Chardonnet) управлялъ тогда ректоръ Дюпанлу, ловкій и способный аббатъ, который совмѣшалъ въ себѣ способности служить Богу и свѣту и стремился воспитать своихъ учениковъ въ томъ же духѣ для большаго успѣха католической пропаганды среди нерелигіознаго общества. Религія Парижа и въ частности религія семинаріи Св. Николая была столь не похожа на бретонскую вѣру, что послѣдняя походила на первую, по словамъ Ренана, такъ же мало, „какъ грубое деревенское полотно, имѣющее твердость доски, не похоже на ситець“. „Мои старые наставники въ своихъ тяжелыхъ церковныхъ облаченіяхъ казались мнѣ магами, постигшими вѣчность. То же, что встрѣтилъ я здѣсь, было религіей скорѣе жителей Индіи; благочестіемъ, разодѣтымъ въ шелкъ и кружева и приглашеннымъ, ханжествомъ, проявляющимся въ мелочахъ...“. Конечно, это былъ тяжелый переломъ въ жизни Ренана. Образование въ семинаріи Св. Николая шло уже гораздо шире, чѣмъ въ Трегье. Учениковъ знакомили съ новыми литературными и умственными теченіями; разрѣшалось чтеніе сочиненій Ламартина и Виктора Гюго. Умственно неразвитой, но чуткій сердцемъ и одаренный богатыми способностями, Ренанъ не могъ оставаться равнодушнымъ къ воспринимаемымъ знаніямъ. Въ его душѣ совершается переворотъ, мозгъ его сильно и неутомимо работаетъ, въ немъ просыпается спавшій до сихъ поръ умъ и усердно стремится все къ новымъ и новымъ знаніямъ. Его христіанскія вѣрованія, носившія отгѣнокъ наивности бретонской вѣры, измѣнились, но вѣтъ еще и слѣда тѣхъ сомнѣній, которыя посѣтили его спустя нѣсколько лѣтъ и повели къ окончательному разрыву съ католической церковью.

Изъ семинаріи Св. Николая Ренанъ перешелъ въ 1842 году, вмѣстѣ съ учениками своего класса, въ семинарію Св. Сульпиція, въ Исси. Эта семинарія давала болѣе специальное духовное образование. Ренанъ поступилъ здѣсь на философское отдѣленіе. Тщательное знакомство съ философіей развиваетъ въ немъ критическое чутье, и его не удовлетворяютъ уже схоластическіе комментаріи, которыми предубѣжденные воспитатели снабжали всѣ философскія идеи, шедшія въ разрѣзъ съ католицизмомъ. Теорія спиритуалистовъ о душѣ не нашла отклика въ трезвомъ умѣ Ренана, и единственнымъ основнымъ закономъ казалось ему вѣчное „*fi egi*“, развитіе и видоизмѣненіе безъ конца. Слѣдующій отрывокъ изъ воспоминаній Ренана покажетъ, чѣмъ питался въ ту пору его молодой умъ; „Кузень восхищалъ насъ; но еще больше поражалъ насъ Пьеръ Леру, благодаря своей убѣдительности и глубокому чутью къ великимъ проблемамъ; тогда мы не видѣли недостаточности его изслѣдованій и ложнаго направленія его ума. Мое обычное чтеніе составляли Паскаль, Мальбраншъ, Эйлеръ, Локкъ, Лейбницъ, Декартъ, Ридъ, Дюгаль Стюартъ. Въ качествѣ благочестивыхъ книгъ я читалъ въ особенности Рѣчи Воссюе и *Les Elevations sur les mystères*. Я зналъ также хорошо Франциска де-Салэ, такъ какъ произведенія его постоянно читались въ семинаріи, въ особенности же благодаря прекрасной написанной о немъ книгѣ Пьера Камуса. Но я не читалъ болѣе утонченной мистики, напр. книгъ Св. Терезы,

Маріи д-Агреда, Игнатія Лойолы, Олье. Какъ я уже говорилъ, Госселенъ¹⁾ отсвѣтоваль мнѣ читать пхъ“. Живеописанія святыхъ, написанныя въ слишкомъ приподнятомъ тонѣ, также не нравились ему.

Послѣ философскаго курса Ренавъ поступилъ на богословское отдѣленіе. Здѣсь онъ съ сильнымъ рвеніемъ принимается за науку, изучаетъ древне-еврейскій языкъ подъ руководствомъ ученаго Ле-Гира, для пониманія Ветхаго и Новаго Завѣта слушаетъ толкованія наиболѣе сложныхъ текстовъ у знаменитаго ориенталиста Гарнье, посѣщаетъ лекціи сирійскаго языка у археолога Катрмера въ университетѣ. Неутомимая кипучая дѣятельность не оставляетъ Ренану времени, чтобы оглянуться на пріобрѣтенный имъ духовный капиталъ, который, вселяясь въ его душѣ, мало-по-малу нарушалъ ся равновѣсіе и вызывалъ разладъ между прежней слѣпой вѣрой и новымъ рационалистическими возрѣніями.—Между тѣмъ духовные отцы семинаріи св. Сульпиція привыкли смотрѣть на Ренана, какъ на своего собрата, и стали побуждать его къ пріявію чина посвященія. Тутъ только Ренавъ очнулся и впервые обратилъ серьезное вниманіе на тотъ сложный психологическій процессъ, который совершался его душѣ. Съ ужасомъ переживаетъ онъ ужасныя минуты сомнѣнія и колебаній. Съ другой стороны духовникъ побуждаетъ его не обращать на это вниманія и слѣдовать по намѣченному пути. Подъ вліяніемъ этихъ рѣчей Ренавъ рѣшилъ принять первый чинъ посвященія, но на время отложилъ его. Рѣшеніе не успокоило душевной тревоги Ренана и, терзаемый сомнѣніями, онъ уѣхалъ лѣтомъ 1845 года въ Бретань. Здѣсь на досугѣ, вдали отъ вліянія своего духовенства, Ренавъ имѣлъ возможность разобратся въ своемъ настроеніи и принять то или иное рѣшеніе. Теперь только Ренавъ увидѣлъ, что прежнимъ вѣрованіямъ нѣтъ и не можетъ быть мѣста въ его душѣ; онъ оставался въ душѣ христіанномъ, потому что ученіе Христа въ его глазахъ было идеаломъ высшей нравственности. Онъ не могъ все-таки принять посвященія, такъ какъ путемъ изслѣдованій ясно увидѣлъ противорѣчіе между священнымъ писаніемъ и догмами римскаго католицизма. Оставаться простымъ вѣрующимъ католикомъ, какъ тысячи окружающихъ его людей, онъ не могъ уже потому, что критическое чутье слишкомъ глубоко пустило въ немъ свои корни. „Католицизмъ“, писалъ Ренавъ, „удовлетворяетъ всѣ мои способности за исключеніемъ критическаго мышленія. Въ будущемъ я уже не надѣюсь ни въ чемъ не найти столь полнаго удовлетворенія. Однако необходимо или отречься отъ католицизма или ампутировать эту способность“. Итакъ, вопросъ былъ поставленъ ребромъ: идеальные взгляды Ренана не позволяли ему ни вступать въ компромиссъ со своею совѣстью, ни медлить болѣе; и онъ съ болью въ сердцѣ рѣшается порвать со всѣмъ тѣмъ, съ чѣмъ до сихъ поръ былъ связанъ тѣсными узами всей предыдущей жизни и воспитанія. Не смотря на всѣ матеріальныя невыгоды, недружелюбіе своихъ духовниковъ, которые все еще надѣялись, что

¹⁾ Госселенъ былъ директоромъ отдѣленія семинаріи Св. Сульпиція въ Песии.

Ренаъ возвратится обратно въ лоно церкви, шагъ былъ сдѣланъ, и Ренаъ остался одинъ, безъ друзей, безъ совѣтовъ, матеріально необеспеченный, съ совершенной житейской неопытностью. Переломъ Ренава и окончательное рѣшеніе его перейти на другой путь лучше всего характеризуются письмомъ его отъ 6-го сентября 1845 года къ своему директору, аббату Конья. Въ виду исключительнаго интереса этого письма я рѣшился привести его почти цѣликомъ.

„Милостивый государь!

„Разъѣзды, которые я долженъ былъ сдѣлать въ началѣ своихъ канкулъ, помѣшали мнѣ писать Вамъ тогда, когда я хотѣлъ. Однако я чувствовалъ настоятельную потребность открыть Вамъ тѣ тяжелыя колебанія, которыя съ каждымъ днемъ становятся все сильнѣе, — тѣмъ сильнѣе, что здѣсь я ни съ кѣмъ не могу подѣлиться ими. То, что должно было составлять мое счастье, причиняетъ мнѣ огромную печаль. Высшій долгъ заставляеть меня сосредоточить свои мысли въ самомъ себѣ, чтобы пощадить отъ потрясенія тѣхъ лицъ, которыя обружаютъ меня своими заботами, и которыя, кромѣ того, были бы неспособны понять моего смущенія. Ихъ заботы и вниманіе приводятъ меня въ отчаяніе. О, еслибъ они знали, что происходитъ въ глубинѣ моего сердца!

„Со времени пребыванія въ этой странѣ я приобрѣлъ данныя, имѣющія большое значеніе для рѣшенія великой занимающей меня проблемы. Прежде всего нѣкоторыя обстоятельства показали мнѣ величину той жертвы, которой требовалъ отъ меня Богъ, и ту пропасть, въ которую повергала меня участь, внушаемая голосомъ моей совѣсти. Безполезно описывать Вамъ тяжелыя подробности; вѣдь, въ концѣ концовъ, подобныя разсужденія не должны имѣть никакого значенія въ томъ вопросѣ, о которомъ идетъ рѣчь. Отказаться отъ дороги, которая улыбалась мнѣ съ самаго дѣтства и которая, навѣрно, привела бы меня къ поставленнымъ высокимъ и чистымъ цѣлямъ, и все это для того, чтобы вступить на другой путь, на которомъ я вижу только колебанія и страшныя трудности; пренебрегать мнѣніемъ, которое въ лучшемъ случаѣ надѣяло меня презрѣніемъ, — все это было бы не такъ трудно, если бы въ тоже время не приходилось вырывать половину своего сердца или, лучше сказать, поразить другое сердце, къ которому я былъ такъ привязанъ. Моя сыновьяя любовь увеличилась отъ того, что я подавилъ въ себѣ такъ много другихъ привязанностей! Но именно въ этой наиболѣе интимной части моего существа долгъ требуетъ отъ меня самой печальной жертвы. Мой выходъ изъ семинарія будетъ для матери неразрѣшимой загадкой; она будетъ думать, что я убилъ ее изъ-за каприза.

„Въ самомъ дѣлѣ, когда я рассматриваю ту крѣпкую сѣть, которой я былъ опутанъ во время сна моего разума и моей свободы, когда я изслѣдую ту линію, которую онъ намѣталъ передо мной, — отчаянныя мысли поднимаются въ моей головѣ. Богу извѣстно, я былъ простъ и чистъ сердцемъ; я не старался дѣлать что-либо самому себѣ; я смѣло и необдуманно пошелъ по той тропинкѣ, которую Богъ открылъ мнѣ, и эта тропинка привела меня къ пропасти!...

Я был обманут, милостивый государь! Я никогда не сомневался, что мудрое и благое провидение управляет вселенной, управляет мной, чтобы вести меня к моей цели. Не без усилий я мог прилагать это мнение к явно противоречащим фактам. Я часто говорил себе, что обиденный здравый разумок мало способен оценить управление Провидения человечеством, вселенной, индивидуумом. Изолированное рассмотрение фактов уже не приводило к оптимизму. Необходима была некоторая храбрость, чтобы поддерживать это мнение о Провидении вопреки опыту. Надеюсь, я никогда не буду сомневаться в этом; какое бы зло ни встретило еще меня в моей жизни, я всегда буду думать, что Провидение ведет меня к наибольшему возможному благу путем наименьшего зла.

„...Боже мой! как жестоко, когда нужно плыть против того течения, по которому долго пришлось плыть вниз и которое так нужно несло вперед! Если бы я еще был уверен в будущем, если бы я был уверен, что когданибудь смогу доставить своим идеям то место, которого они требуют, и совершать, с удовольствием и без внешних занятий, дело моего умственного и нравственного совершенствования! Но, если даже я буду уверен в самом себе, буду ли я уверен в обстоятельствах, представляющихся на нашем пути так фатально? Право, я сожалею о той несчастной доле свободы, какую дал нам Бог: у нас достаточно ее, чтобы бороться, но недостаточно, чтобы господствовать над судьбой, и это причиняет страдания.

„Счастливы дети, которые спят и мечтают и не думают вмешиваться в эту борьбу с самим Богом! Я вижу вокруг себя чистосердечных и простых людей, которым одного христианства достаточно для того, чтобы быть добродетельными и счастливыми. О, пусть Бог никогда не пробуждает в них несчастной способности, этой критической способности, которая так повелительно требует удовлетворения, а после удовлетворения оставляет в душе так мало восторженных радостей. Если-бы Богу было угодно, чтобы от меня зависело подавить ее! Я не отступлю перед ампутацией, если только она допустима и возможна. Христианство удовлетворяет все мои потребности за исключением одной, но наиболее требовательной из всех, так как она по праву судить все другое... Я отлично знаю, ортодоксы скажут мне, что я впал в это состояние по своей вине. Я не стану спорить; никто не знает, достойно оно любви или ненависти. Но я охотно скажу: „это моя вина“, лишь бы только любящие меня люди согласились сохранить ко мне свою дружбу.

„Мне кажется, до сих пор я пришел к следующему несомненному результату: я не возвращусь больше к ортодоксии, но буду следовать по тому пути, на который уже вступил, т. е. цель моя — рациональный и критический анализ. До сих пор я еще надеялся, что, пройдя круг сомнения, вернусь к исходному пункту. Теперь я совсем потерял эту надежду. Возвращение к католицизму кажется мне возможным только путем отступления, если я разорву прямую линию, на которую вступил, стигматизируя разум, объявляя его раз

на всегда ничтожнымъ и неизмѣющимся цѣнности, осуждая его на почтительное молчаніе. Всякій шагъ въ моей критической карьерѣ отдаляетъ меня отъ исходнаго пункта. Потерялъ ли я надежду возвратиться къ католицизму? О, эта мысль была бы для меня слишкомъ жестокой! Нѣтъ, милостивый государь, я не надѣюсь уже возвратиться къ этому путемъ рациональнаго прогресса; но иногда я чувствовалъ почти возмущеніе противъ проводника, которому временами я не довѣряю. Какой былъ тогда бы двигатель моей жизни? Я не знаю; но дѣятельность повсюду находитъ свою пищу. Повѣрьте, нужны тяжелыя испытанія, чтобы я хоть на мнѣту остановился на мысли, которая кажется мнѣ болѣе страшной, чѣмъ смерть. Однако, еслибы мое сознаніе показало, что эта мысль допустима, я схватился бы за нее съ увлеченіемъ.

„Надѣюсь, всѣ знающіе меня признаютъ, что не выгоды удалили меня отъ католической церкви. Развѣ самыя дорогія мнѣ выгоды не принуждали входить ее истинной? Тѣхъ бурныхъ разсужденій, противъ которыхъ я долженъ былъ бороться, было бы достаточно, чтобы убѣдить въ этомъ другихъ. Мое сердце имѣетъ потребность въ христіанствѣ; Евангеліе всегда будетъ моей моралью; церковь дала мнѣ воспитаніе, и я люблю ее. О, развѣ я не могу уже называть себя ея сыномъ! Я покидаю ее противъ воли; я испытываю ужасъ передъ тѣми незаконными нападками, въ которыхъ клеветуютъ на нее; я прямо признаю, что на мѣсто ея образованія не могу поставить ничего полнаго. Но я не могу скрывать тѣхъ больныхъ мѣстъ, которыя я нашелъ въ ней и которыхъ нельзя обойти, развѣ дѣло идетъ о доктринѣ, которая держится только вся цѣликомъ и отъ которой нельзя оторвать ни одной части.

„Иногда я сожалѣю, что не родился въ странѣ, въ которой узы ортодоксіи менѣе тѣсны, чѣмъ въ странахъ католическихъ; вѣдь, что бы то ни было, я хочу быть христіаниномъ, но не могу быть ортодоксальнымъ. Когда я вижу, что столь свободные и столь смѣлые мыслители, какъ Гердеръ, Кантъ, Фихте, называютъ себя христіанами, я желалъ бы быть такимъ, какъ они. Но могу ли я быть такимъ въ католицизмѣ? Кто осмѣетъ среди насъ рациональное и критическое христіанство? Признаюсь, что я нашелъ у нѣкоторыхъ писателей истинное христіанство, которое подобаетъ принять и намъ. Увижу ли я тотъ день, когда христіанство приметъ форму, способную совершенно удовлетворять всѣ потребности нашего времени? Могу ли я самъ участвовать въ этомъ великомъ дѣлѣ? Меня приводитъ въ отчаяніе, что, быть можетъ, когданибудь придется сдѣлаться для этого священникомъ, но это для меня невозможно безъ позорнаго притворства.

„Простите мнѣ, милостивый государь, эти мысли, которыя Вамъ должны показаться грѣховными. Вы знаете, все это не имѣетъ у меня догматической твердости и, среди всѣхъ этихъ смущеній, я придерживаюсь еще церкви, моей старой матери. Я съ увлеченіемъ перечитываю псалмы: еслибы можно было, я проводилъ бы цѣлыя часы въ церквяхъ; краткое, простое и чистое благочестіе трогаетъ меня до глубины сердца; иногда я даже чувствую живые возвраты

прежней вѣры. Все это не можетъ существовать безъ противорѣчія съ моимъ общимъ состоянiемъ.... Какъ только изслѣдованiя начинаютъ примѣнять къ моральнымъ истинамъ, въ нихъ необходимо начинаютъ сомнѣваться; однако, въ эту переходную эпоху чистая и благородная душа должна быть моральной, именно въ силу противорѣчія. Такимъ образомъ, я становлюсь иногда въ одно и тоже время католикомъ и рационалистомъ. Но священникомъ я не могу быть; священникомъ нельзя бывать только минутами, а исключительно всегда....“

По выходѣ изъ семинарии Ренанъ получилъ отъ своей любимой сестры, Генриетты, 1200 франковъ, которые дали ему возможность безбѣдно устроиться. Кромѣ того, онъ поступилъ репетиторомъ въ иезуитскую школу св. Станислава, откуда, впрочемъ, вышелъ въ самомъ скоромъ времени, такъ какъ не сошелся во взглядахъ съ руководителемъ школы, аббатомъ Гратри, и перешелъ въ пансионъ Круэа. Все свободное время онъ посвящалъ занятiю наукой. Большое влiянiе на Ренана оказала въ то время дружба съ знаменитымъ впоследствии Бертелло, который уже тогда обладалъ солидной философской эрудицией и много помогъ Ренану въ приобрѣтенiи свѣдѣнiй по естественнымъ наукамъ. „Моя комната“, говоритъ Ренанъ, „примыкала къ его (Бертелло), и съ перваго дня нашего знакомства мы почувствовали сильную дружбу другъ къ другу. Наше стремленiе къ знанiю было одинаково; но воспитанiе наше было совершенно различно. Мы обмѣнивались другъ съ другомъ нашими знанiями.... Бертелло училъ меня тому чего не преподавали въ семинарии; съ своей стороны, я считалъ своимъ долгомъ учить его теологiи и еврейскому языку“. „Наши бесѣды были безъ конца и постоянно возобновлялись. Мы проводили вмѣстѣ часть ночей, чтобы вмѣстѣ работать, вмѣстѣ изслѣдовать“.

Въ 1846 году Ренанъ познакомился съ учеными Бюрнуфомъ, Огюстеномъ Тьерри и Викторомъ Леклеркомъ, которые руководили его занятiями и во многомъ были полезны ему своими совѣтами. Въ слѣдующемъ году Ренанъ сдалъ университетскiе экзамены, и ему предложили кѣредру философiи въ провинци, отъ которой онъ однако отказался. Въ томъ же году онъ окончилъ свой первый трудъ: „Общая исторiя семитическихъ языковъ“ (*Histoire générale des langues sémitiques*). Этотъ трудъ обратилъ на себя вниманiе всѣхъ ученыхъ въ виду того, что Ренанъ первый пытался изучать психологiю народа по его языку. За этотъ трудъ Ренанъ получалъ Вольнеевскую премiю въ 1200 франковъ, которая выдавалась ежегодно за лучший трудъ по лингвистикѣ. Къ этому же времени относится дѣятельное сотрудничество Ренана въ нѣсколькихъ журналахъ, именно: *La liberté de penser*, *Revue asiatique*, *Revue de deux mondes*, *Journal des débats*, *Journal de l'instruction publique*. Ренанъ помѣстилъ въ этихъ журналахъ рядъ статей, посвященныхъ этическимъ и религiознымъ вопросамъ, и имъ обратилъ на себя вниманiе, какъ либеральный философъ. Всѣ эти статьи были собраны впоследствии въ сборникахъ: *Études d'histoire religieuse*, *Essais de morale et de critique*, *Questions contemporaines* и *Nouvelles études d'histoire re-*

ligieuse. Въ 1848 году Ренанъ написалъ подъ влияніемъ совершившагося политическаго переворота большой трудъ: „Будущее науки“ (*L'Avenir de la science*), который представляетъ первую попытку его изложить все свое міросозрѣніе въ цѣломъ. Въ этомъ сочиненіи авторъ высказываетъ взглядъ на науку, какъ на единственный факторъ человѣческаго прогресса. Но вниманіе Ренана было отвлечено новыми филологическими изслѣдованіями, что помѣшало сейчасъ же опубликовать готовый трудъ. Въ теченіе 10 лѣтъ по выходѣ изъ семинаріи Ренанъ написалъ нѣсколько капитальныхъ трудовъ, которые оказались пѣннымъ вкладомъ въ науку и доставили Ренану имя первокласснаго ученаго. Къ этимъ трудамъ относятся: Всеобщая исторія семитическихъ языковъ, Происхожденіе человѣческой рѣчи (*De l'origine du langage*), Изученіе греческаго языка въ средніе вѣка (*Sur l'étude du grec dans l'occident au moyen âge*), Аверроесъ и Аверроизмъ (*Averroës et l'Averroïsme*), Финикійская миссія (*Mission de Phénicie*). Въ первомъ изъ этихъ трудовъ, „Исторіи семитическихъ языковъ“, Ренанъ даетъ сравнительную систему семитическихъ языковъ. Придерживаясь своей теоріи изученія языка, по которой исторія каждаго языка раздѣляется на двѣ части, вѣшнюю и внутреннюю, онъ дѣлитъ свой трудъ на двѣ части: историческую и теоретическую. Кроме того, Ренанъ разсматриваетъ, какую роль играютъ семитическіе народы въ общей исторіи человѣчества и придаетъ имъ важное значеніе въ томъ, что они передали міру великую религиозную идею. Другого значенія они не имѣли. Въ заключеніе Ренанъ проводитъ параллель между различными народностями и устанавливаетъ 3 фазы развитія народовъ: 1) низшія расы, напр. австралійцы и др.; 2) расы, культурныя только въ матеріальномъ отношеніи: китайцы, японцы и др.; 3) расы, культурныя какъ въ матеріальномъ, такъ и въ духовномъ отношеніи.—Въ 1852 году Ренанъ закончилъ крупное сочиненіе: „Аверроесъ и Аверроизмъ“, въ которомъ онъ излагаетъ біографію и ученіе Аверроэса, арабскаго философа XII вѣка, пытавшагося примирить науку съ Кораномъ, а также вліяніе аверроизма на средневѣковыя философскія школы, искусство и медицину. Трудъ этотъ тѣмъ болѣе важенъ, что онъ является совершенно самостоятельнымъ, такъ какъ по этому вопросу въ то время не было никакихъ предварительныхъ работъ. Благодаря этому изслѣдованію Ренанъ былъ принятъ въ Академію Написей.

Вскорѣ послѣ этого Ренанъ женился на дочери извѣстнаго живописца Анри Шеффера, и жена окружила его тѣмъ уютнымъ, мирнымъ домашнимъ комфортомъ, въ которомъ онъ имѣлъ всѣ удобства для работы и полнаго душевнаго отдыха послѣ труда.

Въ 1858 году Ренанъ перевелъ „Книгу Іова“, а черезъ два года „Пѣснь Пѣсней“ и въ 1861 году „Эклезіастъ“. Переводъ его снабженъ комментаріями. Результаты его изслѣдованій оказались противоположными воззрѣніямъ на нихъ церкви. Съ этихъ поръ занятія Ренана направляются на критическое изслѣдованіе христіанской религіи, которую онъ стремился примирить съ наукой. Какъ

увидимъ дальше, методъ этотъ оказался неприложимымъ на практикѣ, влѣдствіе чего въ дальнѣйшихъ трудахъ Ренана оказалось много субъективнаго, произвольнаго.

Въ 1860 году Ренанъ былъ командированъ въ Финикію, гдѣ онъ пробылъ около года, занимаясь раскопками древнихъ памятниковъ финикійской цивилизаціи. Исполнить эту задачу въ дѣломъ было совершенно невозможно, такъ какъ послѣ тысячелѣтней борьбы разныхъ народностей на мѣстѣ древней Финикіи почти всѣ памятники были уничтожены. При всемъ томъ Ренану удалось открыть много дѣннаго въ видѣ монетъ, надписей, саркофаговъ, орудій, барельефовъ и проч. На основаніи собраннаго матеріала Ренанъ въ „Миссіи въ Финикію“ (*Mission de Phénicie*) изложилъ исторію финикійскаго искусства, которому онъ предпочитаетъ древне-греческое, какъ по силѣ красоты, такъ и по самостоятельности. Финикійское искусство, въ зависимости отъ различныхъ народностей, населявшихъ въ различныя эпохи область Финикіи, имѣло подражательный характеръ.

Въ путешествіи въ Финикію Ренана сопровождала его любимая сестра Генриетта, которая всегда была ангеломъ-хранителемъ для брата въ трудныя минуты его жизни. Наканунѣ отъѣзда на родину Генриетта вдругъ заболѣла и черезъ два дня умерла. Смерть ея сильно потрясла Ренана и надолго еще оставила глубокую печать скорби въ его душѣ.

По возвращеніи въ Парижъ Ренанъ получилъ орденъ Почетнаго Легіона и катедру семитическихъ языковъ въ *College de France*. Вступительная лекція Ренана привлекла массу слушателей, наполнявшихъ даже коридоры университета, и ознаменовалась шумной демонстраціей. Въ своей лекціи Ренанъ сдержанно указалъ на заслуги семитовъ въ области литературы и изобрѣтеніи азбуки и на главную ихъ заслугу — передачу человечеству религіи, которая въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи дала общечеловѣческую христіанскую „религію духа, — религію, стоящую выше всякихъ кастъ, религію вѣчную и безусловную“.

Лекція Ренана (она была издана потомъ подъ заглавіемъ: *De la part des peuples sémitiques dans l'histoire de la civilisation*) произвела сильное возмущеніе среди клерикаловъ, и на время ему было запрещено чтеніе лекцій. . . . Въ 1863 году, Ренанъ выпустилъ въ свѣтъ извѣстную свою книгу „Жизнь Иисуса“ (*Vie de Jésus*), за которую его лишили катедры еврейскаго языка. Ренанъ протестовалъ противъ этого въ своей брошюрѣ: *Chaire d'hébreu au Collège de France*, но, конечно, протестъ его не имѣлъ послѣдствій. Катедра была возвращена ему только въ 1870 году и онъ занималъ ее до конца жизни. . .

Въ 1865 г. Ренанъ отправился въ Афины. Памятники неуязвимой древне-греческой красоты, видъ Акрополя произвели на Ренана сильное впечатлѣніе. Ничего подобнаго не видѣлъ онъ и не ожидалъ увидѣть въ своей жизни. Только теперь почувствовалъ онъ всю силу эллинскаго гения. Умственное развитіе Эллиновъ представляется ему исключительно въ осуществленіи идеала красоты, а всѣ